

ЮРИЙ ЛИННИК

ДЕНЬ ФЛОТА

МАТРОСКИЕ РАССКАЗЫ
И ПОВЕСТИ

Юрий Петрович Линник

День флота. Матросские рассказы и повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20614068

ISBN 9785448307034

Аннотация

Во многом автобиографичные рассказы и маленькие повести Юрия Линника повествуют о флотской жизни, о становлении молодого матроса, об историческом переломе в истории флота, в судьбах людей и кораблей, имевшем место в девяностые годы. Особое признание читателей получила повесть о корабельном псе. В повести «Два крёстных Ивана» показана связь поколений: поколения, победившего фашизм, и поколения наследников той победы.

Содержание

Пассажир поневоле и усталая «эска»	5
Полный кавалер пяти суток	28
Случай в море	54
Конец ознакомительного фрагмента.	71

День флота
Матросские
рассказы и повести
Юрий Петрович Линник

© Юрий Петрович Линник, 2016

ISBN 978-5-4483-0703-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пассажир поневоле и усталая «Эска»

Прошло более года, как, средняя дизельная подводная лодка покинула акваторию судоремонтного завода. Ремонт растянулся на полтора года. После месяца боевой службы в Атлантике лодка встала на очередной текущий ремонт, который тихо сапой обернулся капитальным. Но вот бесконечные заводские мытарства позади и ещё год тяжёлой работы, чтобы лодку ввести в первую линию, боевой состав дивизии. Экипаж новый, да ещё после заводской вольницы – притирка, отладка, затяжка, закручивание, пристрелка. Вот когда забот на лодке хватает всем по горло. Экзамены на допуски, на самостоятельное управление механизмами, оружием, боевой частью, кораблём. И только тогда командир и весь экипаж вздохнут с облегчением, когда корабельный казначей отсчитает им впервые морскую надбавку к жалованью, знак того, что лодка вошла в боевой состав флота.

Но кто ей позволит прохладиться у пирса? Даром что ли морские капают? Вперёд, в Атлантику, досаждать супостату. Мал клоп, да кусач. А здесь ещё один театр вызрел, как прыщ на интимном месте – Средиземка. Театр, на подмостках которого без малого два десятка лет, игнорируя антракты и во-

преки штабным сценариям, продолжится крутое представление конкурса силачей, от которого зрителям порой станет не по себе. На сей раз, на долю балтийской подлодки выпало одной из первых повариться в средиземноморском котле, испытать на своём прочном корпусе холодное единоборство двух великих флотов.

В штабе флота ещё с недоверием относились к подлодке, едва вошедший в боевой состав и решили перед её выходом на боевую службу устроить для неё эдакий спарринг. Задать квадрат и пусть субмарину эту, как необъезженного жеребца в загоне, погоняет хорошенько противолодочник с крепким командиром. Не нами сказано: «Трудно в учении – легко в бою».

* * *

Всем известно, как службу военную начнёшь, так она и продолжится. Поэтому первый день службы уж постарайся. Загони в самый дальний угол души своей всё гражданское, амбиции, гордость, жажду справедливости, тошнотное чувство на всё военное и отслужи первый день классно. А потом, если и пойдёт всё вкривь да вкось, то ты уж не виноват, ведь начал то ты службу нормально.

Честно говоря, первый день на корабле у Юрки определённо не сложился. Правда, не его была в том вина. В сущно-

сти, день тот и не мог сложиться. Ведь когда, после занудной муштры во флотском экипаже, где из новобранцев методично изгоняется гражданская бесовня, команду новобранцев доставили в Балтийск, то корабля его приписки, как на грех, в базе не оказалось. У всех, как у людей, корабли на месте, его корабль отсутствует! Посему отправили Юрку довеском к однокашнику на его корабль. Надо же человеку пока, суд да дело, где-то находиться, ночевать, кормиться.

Служба корабельная началась без корабля. На чужом, разумеется, ты никому не нужен. Куда такого, с позволения сказать, военмора, что бы не болтался попусту на корабле инородным телом? Правильно! Обратно в дивизион, в распоряжение дежурного. В штабе дивизиона разрядка для таких спецов с нулевым послужным списком не отличается разнообразием. Ну что можно доверить матросу, не прослужившему и без году неделю в плавсоставе? Только поддержание образцового флотского порядка на подведомственной причальной территории. Кто бы ты ни был на гражданке, какие бы чудеса не творил, подвиги не совершал – вот тебе флотская метла из прутьев «голик» по флотски.

– Голик?

– Вот видишь, ты даже не знаешь, как на флоте веник называют, а ведь это далеко не самый последний предмет на корабле. А большое познаётся через малое!

– Вот тебе голик и боевое задание – мести дорогу от ди-

визионного штаба и вон до того угла цейхгауза, – указал Юрке старлей, помощник дежурного по дивизиону, на поворот в сотне метров. Дорога в окружение уже не молодых, раскидистых тополей, начало октября – листопад в разгаре. На первый взгляд, за пару часов можно управиться, если с куревом построже.

– А потом на корабль? – порывался поставить Юрка все точки над і.

– До ужина, – не без иронии усмехнулся старлей.

– Что значит до ужина? – заело у Юрки в голове, – Дорога через пару часов заблестит, как у кота.... Уж в этом то нехитром деле он не профан, чай, учебка за плечами – мыть, грести, таскать, мести, поднимать, опускать... Это что же, с красным корочками техника на флоте в дворники сгодилась? Несуразица полная.

Старлей, видимо, прочитав на лице новобранца недоумение и даже справедливое негодование, исподлобья, уже гнушавым, не терпящим базара голосом, добавил,

– Пройдёшь раз – заходи по новой. Короче, дорога должна быть постоянно чистой. Листопад! Понимать надо.

Мести палые листья – работёнка, хоть и маленько пыльная, но не обременительная, а, главное, спокойная. Тем паче, никто тебя не дёргает, не гонит, не учит, не наставляет. Все проходящие видят, что матрос работает, даже старается. Тем не менее, моральное состояние хреновое. Да здесь ещё

память втихую подленько подсунула анекдотец, известный ещё с гражданки:

– Как копать? – спросил солдат прапорщика.

– Отсюда и до вечера, – гениально изрёк прапорщик.

Тогда смеялся, а сейчас, хоть плачь. Ведь анекдот – то, получается, про него – отсюда и до ужина. Потом стали одолевать суеверные переживания – как службу, начнёшь, такая она и пойдёт.

– Так и буду подметать дорогу всю службу, перспектива аж дух захватывает! Пропала флотская юность! – с горькой иронией размышлял Юрка.

После второго прохода, окружающие тополи обернулись подлыми поганцами, которые гадят без зазрения и беспрестанно на дорогу. Чем быстрее асфальт очищается от листьев, тем гуще сыпет листьями с деревьев. Порой кажется, что они, даром, что безмолвные, откровенно похохатывают над пустыми хлопотами новобранца.

Но нет, старания не такие уж напрасные. Дорога приобретает ухоженный вид, и на третьем проходе в сознании грядёт перестройка. С каждым взмахом метлы амбиции и обида испаряются, приходит отрезвляющее осознание своего положения, пусть неприятного для гордыни. Прими с миром то, что изменить не в силах. Вот уже в такт, пусть пока сквозь зубы, он декламирует нараспев: «Приятна мне.. твоя.. прощальная ...краса». И тополи, тут, положим, не при чём, ведь у них листопад, физиологическая потребность.

* * *

На следующее утро, не успев Юрка дожевать военно-морскую «птюху», четвертинку вкусного белого хлеба, намазанного поперх толстым слоем превосходного сливочного масла, как кто-то прокричал его фамилию с верхней палубы через люк кубрика и добавил приказным тоном:

– В распоряжение дежурного по дивизиону! Срочно!

– Вечный раб дежурного по дивизиону, – в сердцах окрестил он себя, и, доедая на ходу, выскочил на палубу.

Дорога за ночь сплошь покрылась палой листвой, срочнее работы в дивизионе нет! Что бы они делали без него? Помощник дежурного по дивизиону уже другой, служба сменилась вечером вчерашнего дня. У Юрки, тем не менее, никаких перемен. На том же объекте, что и вчера начинает мести прибывшие за ночь листья от здания штаба дивизиона и, надо понимать, до обеда. Работа знакома и настроение лучше вчерашнего. Переболев духом, он смирился с показавшейся вчера вопиющей несправедливостью, попридержал амбиции и осознал, что мести асфальт – не так это уж и плохо. Пребываешь на свежем воздухе, харч флотский по расписанию, чрезмерного усердия не требуется, перекуры по желанию. Пусть руки заняты, зато голова свободная – наблюдай окружающий незнакомый мир, думай о чём угодно, вспоминай дом. Идиллия!

Но не тут то было! Флотский бог, где он там обитает, из морских глубин или с небес, видимо, узрев, что первый урок этим новобранцем освоен, решил про себя, мол, давай-ка усложним ему вводную. Не мытьём, так кАтаньем. Не метлой, так катАнием. Да, да! Катанием на корабле. Увидите сами, что по-другому не скажешь.

Итак, из штаба дивизиона вышел некий капитан-лейтенант с бело-синей повязкой на рукаве и решительно направился по дороге.

– Новый дежурный по дивизиону. Сменил вечером капитан-лейтенанта Киселёва, – дошло до Юрки. В начале он не придавал этому никакого маломальского значения:

– Зачем дежурному офицеру матрос по второму дню службы в дивизионе, что ему других забот мало?

Но каплей продолжал двигаться, не меняя курса, явно интересуясь плодами неустанной боевой деятельности новобранца. Пришлось прекратить работу и, как учили, представиться. При этом голик Юрка переложил в левую руку, давая понять дежурному, что, мол, ему недосуг с ним травить байки, у него ещё ого сколько дороги до угла цейхгауза, и пусть он идёт с миром дальше.

Разумеется, Юрке было невдомёк, что дежурный офицер дивизиона, доложив в бригаду о завершения утренних рутинных процедур на кораблях дивизиона, решил, не мешкая, заняться причальной территорией. Такой безобидный,

казалось бы, осенний листопад грозит нахлобучкой от любого залётного начальства, если зазеваться или пустить уборку палой листвы на самотёк. За годы службы на флоте он постиг, что порой за изъяны во внешнем флотском лоске можно схлопотать нагоняй похлеще, чем за немалые орехи в боевой подготовке.

– С какого корабля? – вопросом ответил на приветствие дежурный.

– С МПК-85, товарищ капитан-лейтенант, – озадачил его матрос.

Дежурный машинально оглянулся на пирс и сразу же отругал себя за опрометчивую реакцию. Ведь, он прекрасно знал, что Алгашев вторые сутки в «морях» в составе поисково-ударной группы. Алгашев – командир МПК-85 и, как повелось в дивизионе со времён «больших охотников», корабли называют по фамилии командира.

Капитан-лейтенант внимательно посмотрел в лицо матроса, опасаясь вновь попасть впросак, и догадался, что матрос из пополнения, пришедшего вчера в дивизион. Пополнение это пришло особенное; для осеннего призыва прошлого года поздновато, для весеннего призыва ещё рано. Кто-то объяснял, что пришли они на корабли без подготовки в учебном отряде, якобы после окончания техникумов: «Дюже грамотные».

Не успел дежурный по дивизиону дать ценные указания по уборке этой «стратегической» дороги, как увидел почти бегом направляющегося к нему своего помощника и насто-рожился. Он обладал неким подспудным чутьём на неорди-нарные ситуации, о котором никому никогда не рассказы-вал, но втуне гордился этим. Оно его никогда не подводило. И вот сейчас, завидев вышедшего из штаба старлея, он услы-шал где-то в груди, не в ушах, звон маленького серебряного колокольчика. Иррациональное нечто внутри него или сна-ружи великодушно давало знать о приближении экстренных событий. Комдив в море, начштаба в штабе базы, значит, ре-шения принимает он. Что же, он не подведёт!

– Срочное сообщение, – ещё на подходе выдохнул помощ-ник.

– Ага! Что-то произошло! И это что-то должно коснуться меня. Ведь не может дальше продолжаться эта бесконечная борьба с листопадом. Уже сутки я на этой проклятой доро-ге. Вполне достаточно, чтобы утихомирить тщеславие и дать понять, что на флоте всё не так, как на гражданке, – пронес-лось в голове у Юрки.

А вот и гонец с корабля! Пусть не архангел, но весть он несёт желанную и спасительную. Матрос с белокрасной по-вязкой на рукаве почти бегом направляется к Юрке. Ищи се-бе другого раба, бравый каплей! ... Разлука будет без печали.

* * *

В кубрике крепкий смрад выхлопных газов. В соседних отсеках машинные отделения, носовое и кормовое. Мозгодробящий хор работающих дизелей проникает в кубрик. В кубрике никого, все на боевых постах готовят корабль к экстренному выходу в море. Ни души, если не считать Юрки. Уныло восседает на отполированном матросскими задами рундуке под динамиком корабельной трансляции. Теперь понятно, почему дежурного офицера срочно вызвали в штаб. Полчаса назад Юрку внезапно сняли со «стратегической» дороги и затребовали на корабль, который экстренно выходит в море.

Поначалу радость не имела границ. Казалось, что на той злополучной дороге Юрка провёл не сутки, а целый год. И, вдруг, понадобился! Понадобился кораблю, готовящемуся к выходу в море! Почувствуйте разницу; тупо и беспрестанно махать метлой и выйти первый раз в море, да ещё на таком прекрасном боевом корабле. Но буйство страстей и поднявшее было голову, недобитое на дороге тщеславие было безжалостно растоптано, едва Юрка, полный надежд и эйфории, поднялся на борт готовящегося к выходу в море корабля. Поджидавший его дежурный старшина с кислой миной на лице (этот ещё навязался, своих новичков – глаз да глаз)

объявил без обиняков, не пощадив душу новобранца, готовую вкусить сполна морской романтики:

– Корабль срочно выходит в море. Ты сидишь в кубрике, оттуда ни на шаг, и носа не кажи! Ясно?

– Есть, таарищ старшина, – выдавил Юрка упавшим голосом. Этот таарищ его зарезал без ножа. То, что корабль готовится к выходу в море, он и сам видел, не слепой. А вот то, что его изолируют в кубрике, было, что обухом по темечку.

– Выхожу в море пассажиром! Нет, не пассажиром – трюмным узником, – пришёл к неутешительному выводу Юрий. Дабы исключить эту версию, поднялся по трапу к палубному люку и обследовал запор люка. Запор отдраивается, люк освобождается. Значит, всё – таки пассажиром. Дуррацкая ситуация, уж лучше бы остаться на берегу, на своём стратегическом объекте, по крайней мере, находился бы при деле.

– Только вдуматься! Мой первый выход в море на боевом корабле! Я выхожу в море по боевой тревоге, но на правах пассажира, бесполезного груза, – только и осталось Юрке сокрушаться своим вынужденным положением.

Товарищ его где—то на боевом посту. Это его корабль и он полноправный участник всего того действия, что сейчас разворачивается на корабле. Юрке неловко и стыдно оставаться в кубрике. Пусть это не его корабль, но ведь он мог бы вместе с однокашником делать то, чем сейчас занят он.

Динамик корабельной громкоговорящей сети, под кото-

рым Юрка примостился на рундуке, единственное звено, связывающее его с событиями, происходящими на корабле. Все команды командира, доклады и рапорты с боевых постов проходят по корабельной сети, и Юрка впивается слухом в эти завораживающие звуки ещё незнакомой, но уже его жизни. Чем не захватывающий радиоспектакль?

С каждой минутой нарастает проникающая сквозь переборки кубрика разноголосица запускаемых в работу механизмов. В неё вплетаются всё новые и новые партии, чтобы в какой-то момент обернуться законченной симфонией корабля, готового выйти море. Казацкой плетью полосонул вдруг резкий звук, заставивший Юрку от неожиданности непроизвольно шарахнуться с рундука. Ещё бы! Оживший вдруг громадный электрический звонок исподтишка затрещивал как раз над его головой. Колокола громкого боя! Если вы услышите эти романтические слова, знайте, что речь идёт о русском военном корабле. На самом деле, на этом корабле никаких колоколов нет. Мощные электрические звонки на всех постах и кубриках, звуки которых мёртвого поднимут, заставят куда-то бежать и действовать по боевому расписанию.

Короткий – длинный, короткий – длинный... Из динамика, – Аврал! По местам стоять, со швартовых сниматься! Для Юрки кульминация всего действия, которое он прослушивает, как в радиотеатре, – начало движение корабля. Ведь впервые он выходит в море. Пусть вспомнят свой первый выход

в море сегодняшние морские волки. Главное для Юрия сейчас это ожидание неизведанного пока ещё чувства движение корабля.

Частый топот матросских ботинок швартовой команды и взревели дизеля дают понять, что корабль вот-вот отойдёт от причальной стенки.

– Я должен видеть это своими глазами – отход корабля от причальной стенки, – не устоял против соблазна Юрка, открыл дверь в трапный тамбур, и опрометью поднялся по трапу, пока головой не упёрся в палубный люк. Отдраил его поворотом штурвала и приподнял настолько, чтобы можно было бы увидеть причал.

В щель врывается густой едкий дым выхлопа работающих вхолостую дизелей, от которого горло скручивается верёвкой. Тяжёлыми клубами он стелется по палубе и не позволяет видеть причал. Люк пришлось срочно задраить и, несолоно хлебавши, вернуться в кубрик, чтобы довольствоваться лишь корабельной трансляцией.

– Отдать носовой! Отдать кормовой! Правый малый вперёд! – раздались команды с мостика. Звук двигателей изменился – и Юрка, о кайф, ощущает ход корабля. Тихий восторг переполняет грудь. Из детства вспорхнуло лёгкое акварельное видение – трёхпалубный белоснежный «Юрий Крымов» величаво отходит от причала Цимлянского пор-

та. На его борту он, десятилетний, полноправный, не в пример сегодняшнему, пассажир третьего класса, вкушает блаженство, впервые покидая сушу на ослепительном красавце. Призрачная картинка проявилась и исчезла. А осознание настоящего, что в свой первый выход в море он в роли бесполезного пассажира, добавляет изрядную ложку дегтя в боченок его радости.

К звонку Юрка стал настороже, отсев от него подальше. Знать, не последний раз названивал, до сих пор в ушах свербит. И ведь недаром! Не прошло и четверти часа, как кубрик вновь наполнился нестерпимым звоном. На сей раз звонок надрывался беспрерывно. Пришлось заткнуть уши пальцами. Так, и что же означает эта ошеломляющая трель?

– Боевая тревога! – незамедлил с ответом динамик строгим голосом командира корабля. Следом пошли рапорты с боевых постов о готовности к бою. Юрка встревожился, ведь командир корабля не сказал, что тревога учебная. Если тревога боевая, значит, может быть и настоящий морской бой.

– Войны нет – это ясно, но могут быть нарушения границы или провокации, – размышлял он, припоминая сюжеты советского кинопроката. Как в подтверждение его мыслям, командир объявил экипажу боевую задачу:

– Поступил сигнал, что в территориальных водах находится неизвестная подводная цель. Задача корабля обнаружить

цель и принять соответствующие меры по охране акватории.

– Вот это да! Второй день службы на корабле, первый выход в море и такая заваруха, – как подпружиненный, вскочил Юрка с рундука после таких слов командира. Каких-то пару часов назад он безмятежно махал голиком по асфальту, и единственной надеждой изменить положение было только прибытие его корабля. А сейчас он находится на борту корабля, который, вдумайтесь, охотится за подводной целью. Корабль ускорил ход, качка стала меньше. Корабельная трансляция стихла. На борту началась малопонятная для новобранца рутинная работа, но режим «боевой тревоги» командир не отменил и Юрка по-прежнему в кубрике коротал одиночество.

* * *

После выхода корабля из базы капитан-лейтенанту Гурьеву из штаба бригады сообщили координаты акватории, где его поджидает либавская субмарина. Подлодка из засады атакует противолодочный корабль. После атаки она попытается скрыться в границах заданной акватории. Задача корабля не выпускать лодку из контакта с выходом на условную атаку глубинными бомбами. Гурьев понял, что эта игра в кошки-мышки неспроста – лодку готовят на серьёзное дело. Ну что? – не без куража обратился Гурьев своему помощнику, старшему лейтенанту Овчинникову – Возьмём рыбку за зебры, пока не взмолится о пощаде?

Рыбка оказалось с характером. Заслышав невероятную какофонию приближающегося «охотника», на лодке определили параметры его движения, потихоньку поднялись, развернулись и симитировали сабельную торпедную атаку. Подлодку, конечно, ждали и сразу же засекли. Но, пытаясь скрыться, она запетляла, и несколько раз контакт с ней терялся. Быть может, подлодка ушла бы от погони, но границы акватории не позволяли сделать это. Поэтому ей пришлось пускаться во все тяжкие, лишь бы сбросить с себя царапающее по металлу корпуса и нервам находящихся внутри ковбойское лассо акустического луча противолодочного корабля. Через несколько часов напряжённой борьбы с переменным успехом, лодка запросила перекур. Толи что-то у них потекло, толи для подзарядки аккумуляторов, толи захотелось просто выбраться на белый свет, хлебнуть свежего воздуха и затянуться сладким табачным дымом.

– И то ладно, – вытер со лба испарину Гурьев, – Стоп машина! Лодка всплыла в полумиле и на дизелях подошла к своему визави выкурить трубку мира.

* * *

Из обрывков малопонятных фраз, команд, докладов по корабельной трансляции стало понятно, что подводную лодку настигли и что лодка эта наша и вся операция, в которой Юрка принимал невольное и пассивное участие, была учебно-тренировочная. Корабль внезапно прекратил

ход, что насторожило и заставило внимательно вслушаться в трансляцию. Так и есть! Судя по переговорам на мостике, подлодка наша всплыла на поверхность! Где-то рядом находится реальная подводная лодка. Ни разу Юрий не видел в живую подводную лодку. Ну как не взглянуть, хоть краешком глаза? Не устоять!

Он отдраил палубный люк, и приподнял крышку сантиметра на три. Но этого зазора явно не хватало, виднелись лишь волны на расстоянии не более пары десятков метров. Само собой, крышка люка приподнялась повыше. Результат такой же. Ему бы успокоиться и спуститься в кубрик, но он решил ещё чуть-чуть приоткрыть люк, последний разок. Как Юрка не старался, увидеть лодку ему не удавалось. Поэтому решил больше не испытывать судьбу и задраил люк. Он не подозревал, что пока шарил глазами по сторонам в надежде увидеть всплывшую лодку, его самого уже засекли с мостика и не кто иной, а сам командир корабля. Не успел Юрка возвратиться на уже порядком опостылевший рундук, как по трансляции голосом командира ему было приказано явиться на ходовой мостик.

* * *

– Меня на мостик вызывает командир корабля! Только вдуматься, моя с самого утра никчемная персона вдруг заинтересовала командира противолодочного корабля! – вскочил Юрка с рундука, – Кто он по званию? Быть может капитан

третьего ранга! В учебном отряде командир нашего взвода сержант Сорокин был богом, а командир роты старший лейтенант, выходит, начальник бога. За три месяца муштровки я видел его только на утреннем разводе экипажа. А здесь..! Ого-го!! Капитан третьего ранга, командир противолодочного корабля решил со мной пообщаться! А ведь жизнь, похоже, налаживается! Заодно и лодку рассмотрю.

Никакой вины за собой Юрка не чувствовал.

Теперь уже на законных основаниях, не таясь, Юрка поднялся на палубу и сразу оглянулся по сторонам, чтобы, наконец, увидеть эту злополучную лодку. Обнаружил её в метрах ста по левому борту. На рубке стояли люди, рассматривая противолодочный корабль в бинокль.

С прибытием новобранца на ходовом мостике воцарилось напряжённая тишина. Нельзя сказать, что она была враждебной, но и ничего доброго не сулила. Офицеры и старшины, кто с усмешкой, кто с недоумением, кто с удивлением смотрят на Юрку, как на диковинку, свалившуюся негаданно с неба прямо на шкафут корабля. Появление его на мостике, похоже, стало сюрпризом. Видимо, никто не подозревал о пребывании незнакомца на корабле, не ведал, что корабль вышел в море с пассажиром на борту.

Только один человек не отреагировал на экзотическое появление Юрки на ходовом мостике – крепкосложенный, чер-

новолосый капитан-лейтенант. Да, командир противолодочного корабля Гурьев был пока ещё капитан-лейтенантом. Но это не меняло дела.

– Классический морской волк, – мелькнуло у Юрки. Именно таким он представлял настоящего командира корабля. Ни дать не взять. Наконец, капитан-лейтенант оторвал взгляд от репитера гирокомпаса и строго взглянул на молодого матроса. Теперь Юрка увидел вблизи человека, которого пытался рассмотреть в щель приоткрытого люка. Мужественное, широкоскулое лицо. Жёсткая складка у рта ещё не разошлась после напряженной погони. Однако, сердитый прищур цыганских глаз, беспокойные желваки и плотно сжатые с кривинкой губы на лице Гурьева явно не предвещали сердечных поздравлений по поводу первого боевого похода новобранца и удачного отлова подводной лодки.

– Похоже, я не в струе, – только и всего смог предположить Юрка. Впрочем, озарение приспело мгновенно. Ведь его же предупреждали добрые люди: «И носа не кажи»! А он то, любопытная Варвара, нос свой длинный из люка ещё как «казал».

– Таарищ капитан-лейтенант! Матрос Ортах прибыл по Вашему приказанию! – попытался Юрка заморозить Гурьева строевой выправкой. Мол, мы тоже не пальцем дела ны, чай три месяца беска на голове! Знаем, что почём!

Наверняка, Гурьеву уже объяснили, что это за птица,

и что спрос с него никакой – дремучий салага в роли пассажира.

– Ортах!?!... Ванюша Ортах на курортах, не так ли? – не удержавшись в официальных рамках, язвительно скаламбурил рассерженный Гурьев, колко усмирив кураж новобранца. Присутствующие на ходовом мостике вежливо заулыбались. Ясно, что командир имел в виду. Все на боевых постах, в поте лица гоняют хитрющую подлодку, которая норовит часом скрыться бесследно в морской пучине. А этот тем временем прохлаждается в кубрике, да ещё нарушает благополучную картину боевой подготовки корабля.

Немного опешив от непривычного после официоза учебки диалога с высшим чином и признав в душе справедливость сарказма командира, Юрка отважился всё-таки уточнить своё имя.

– Юрий я, не Иван... Юрий Ортах, товарищ капитан-лейтенант, – и, спохватившись, добавил для полноты, – матрос.

– Уже приятно. Вижу, что матрос, – продолжал в тон раздражённо иронизировать каплей, – Гурьев. Командир.

– Так вот, товарищ матрос, как у вас обстоят дела с Корабельным уставом? Вы же из учебного отряда нас ошастливили, не так ли? Насколько я в курсе, там его штудируют скрупулёзно.

Конечно, Юрка знал, что наряду с другими Уставами, которые в учебке втиснули в их гражданские мозги, существует таинственный Устав корабельной службы. Но в программу

подготовки устав этот не входил, поэтому Юрка не то, что бы знакомиться с корабельным уставом, и в глаза не видел этот бестселлер. Что ответить? Находиться на боевом корабле, выполняющим боевую задачу, даже на его «святая святых» – ходовом мостике и не ведать того, о чём гласит корабельный устав? Позор!

– Вы обязаны знать, что по боевой тревоге все люки и двери на корабле должны быть наглухо задраены, – продолжал методично топтать Юрку Гурьев, – Почему же вы нарушили такое важное положение корабельного устава?

Ну что здесь скажешь в оправдание? Что не читал Корабельный устав? «Это мы не проходили, это нам не задавали» Кто поверит и как доказать, да и кому нужны эти оправдания. Нарушил – отвечай. А главное, командир потребовал назвать причину. Попробуй, отмолчись, как школьник. Сказать правду – смешно, детством отдаёт. Видите ли, он хотел посмотреть на настоящую подводную лодку. Маменька, это настоящая подводная лодка или из папье—маше? Да сдалась она тебе – за годы службы, наверное, так насмотришься, что воротить начнёт. Путаясь в этих мыслях, Юрка судорожно искал, нет, не оправдания, искал, что ответить Гурьеву. Ответить, чтобы тупо и позорно не молчать. Не придумав ничего подходящего, вдруг, неожиданно для себя всё-таки брякнул, дескать, страстно желал увидеть настоящую подводную лодку, ибо ни разу в жизни не наслаждался её видом в натуре.

Сказанул и тотчас начал гнобить себя в сердцах, – Кто тебя за язык тянул? Уж лучше бы попросту промолчал. Молчит человек, значит крыть нечем, нет слов в оправдание, признаёт свою ошибку и надеется на снисхождение. Это же – как дважды два.. А теперь, вот он я, в детских коротеньких штанишках на подвязках, покажите мне козу пальцами и можете хохотать до коликов. Ему бы на девок посматривать, а он на лодку... ха-ха-ха... первый раз!

Но что это? На мостике материализовалась физически осязаемая пауза. Оправдательный аргумент Юрки был настолько неожиданным, что всех присутствующих на мостике поверг в ступор. Теперь у них проблема. Толи сделать вид, что причина уважительная, толи посмеяться и забыть, толи, несмотря ни что, взыскать с новичка по полной. Но Юрка то видел как подобрело лицо командира, почувствовал как разрядилась напряжённая обстановка на мостике. Все смотрели на командира, который пытался найти подходящие слова, чтобы с честью закончить разборку и не превратить её в «балаган».

– А что её видеть, вон она на перекуре, стало быть, подустала твоя лодка, – только и нашёлся, что вымолвить Гурьев и растерянно оглянулся на подлодку.

Замешательство на мостике противолодочника разрядил командир подлодки. Он внимательно рассматривал ходовой мостик «охотника» в бинокль и, видимо, понял, что там нештатная ситуация. С рубки лодки замигал сигнальный

прожектор.

– Есть проблемы? – перевёл вопрос сигнальщик.

– Нет. На борту зайца поймали, – ответил Гурьев. Все рас- смеялись, оценив меткую шутку командира.

Прожектор с лодки: «С удачной охотой. Трофеи шесть ша- ров; заяц и подлодка. Приятного аппетита».

Вновь дружный смех. Командир подлодки не был лишён флотского юмора.

The game is over. Корабль вернулся в базу поздно. Утром, съев свою вторую по счёту корабельную «птюху» и выслушав «отеческие» сентенции годка – декабриста, дескать, как «за- питаешь» тысячную, можешь собирать чемодан на демоби- лизацию, Юрка ожидал персонального вызова в штаб диви- зиона. Как же они там без него, ведь, листопад никто не отме- нял. Но в кубрик вошёл старшина команды и, мельком взгля- нув на Юрку, бросил как бы невзначай, – Алгашев шварту- ется в крепостном канале.

Полный кавалер пяти суток

В укромном местечке на полуоте, между двумя рядами горбовидных воздухозаборников, родимого пятна противолодочных кораблей 204 проекта, табачный дым коромыслом.

– Кошки на наших коробках не живут, психика у них тонкая, бабья.

– Дак говорят, что корабли то наши баба изобрела, небось, в отместку нашему брату.

– А мы, что, грехи какого-то чудика, который бабе не угодил, теперь искупать обязаны?

– И что? Кошки эти, сразу в «самоход» и ищи ветра в поле?

– Да кому она нужна, кошка твоя. Сбежала – скатертью дорожка, на корабле чище!

– В том то и дело, что всё не так. Поживут месяца полтора-два, сходят с ума, или как там у них, беситься начинают и дохнут в конвульсиях, пена из пасти как у чупокабры

– А собаки живут?

– Живут. И крысы, само собой, пока коробка на дно не вздумает отправиться.

– И люди живут...

– Не скажи. У людей по-разному. У одних натура более к кошкам, у других – к собакам, а есть и крысиная – им всё нипочём, хоть кол у него на темечке остри. У кого коша-

чьё уже через пару месяцев начинают хандрить, вес теряется, давление скачет, и это в двадцать лет. А что в сороковник будет – один знает, да помалкивает. Вон Ларик из БЧ-5, вы не застали, пришёл красавец, москаль голубоглазый, косая сажень в плечах, а теперь.. Сколько он оттянул?

– Да полтора, наверное..

– Гм.. Полтора года и в результате засушенный Геракл, куда что подевалось. И ворчит постоянно, как дед столетний.

– Ну бывает, служба не пошла, как говорится...

– А как она пойдёт, когда человек не в ладах с организмом своим.

– Или взять комендора с двести тридцать первого...

– Это тот, у которого крыша поехала?

– Сам ты крыша соломенная без чердака. Полгода на корабле, и вон куда пацан приплыл. Помните...?

Как не помнить! Старший матрос Садовский затынулся «Ватрой» и пустил сизые концентрические колечки. То ЧП, да какое там ЧП – чепище, хоть и произошло на другом корабле, но непостижимым образом, по касательной что ли, зацепило его лично. Вот как странно в жизни бывает. Того молодого комендора он не то, что не знал по имени, даже в лицо не припоминал.

Уж неизвестно по какой причине, то ли старшина его переусердствовал в воспитательном процессе, то ли какое письмо вредное получил с гражданки, забрался тот комен-

дор в корабельный арсенал и объявил кораблю бойкот. Название «арсенал» не для красного словца – с дюжину стволов там, морских «калашей», боезапас к ним «пали-не хочу», опять же гранаты – пара ящичков наберётся. Есть чем побузить. Короче говоря, вооружённый бунт на каравелле, причём смутьян вооружён до зубов, у остальных как у латыша....

Кто имел дело с противолодочным кораблём 204 проектом, подтвердит, что арсенал находится в трюме артиллерийского отсека и попасть туда можно только через узкий люк вертикальной шахты из обстроя орудия. Словом, типичная корабельная «шхера» с одним выходом, но, значит, и вход единственный.

Пытались душеспасительными увещеваниями привести комендора в чувство. То да сё, да прекрати, не ломай себе жизнь, ведь ты, дескать, молодой. Но комендор удила уже закусил и на уговоры не поддавался. Быть может, желал загубленной молодостью своей кому-то насолить или, пуще того, отомстить. Нашлись добровольцы спуститься в арсенал, надеясь на то, что у комендора всё-таки достанет ума не стрелять в людей. Итог плачевный – автоматные выстрелы, раненые. И не только среди штурмующих. Какая-то очередь прошила переборку соседнего отсека и, за малым, не ухлопала моториста, копавшегося возле переборки.

И тогда все с ужасом осознали, что игра эта с огнём происходит на пороховой бочке. Рядом с бунтарём боезапас в две тысячи снарядов калибра 57, которые он, с дури, может активировать автоматной очередью или гранатой. И это не весь расклад. По соседству ещё два корабля с такой же начинкой, а у всех трёх в носовой части, в паре десятков метров – бомбовые погреба с сотней шестипудовых бомб в каждом. Адский фейерверк, не приведи господи, гарантирован! Вот тут-то и забегали, и свои командиры, и соседские. Отсчёт, можно сказать, пошёл на секунды.

Комендор, видимо, себя в живых уже не числил и на каждое слово отвечал выстрелами. А такой диалог, понятно, долго продлиться не может. Как его, засранца, выкурить оттуда? На этом и остановились – именно выкурить. Запалили дымовую шашку и бросили вниз. Иного выхода не просматривалось. Думали, дескать, щаас выползет, как таракан из-за печки. Такова была стратегема.

Не тут-то было, предпочёл сдохнуть от удушья. Не видел он для себя просвета в будущем. Рискую заполучить порцию свинца в срамные места, спустились сами в ИПах и вытащили бесчувственного бунтаря на палубу. Пришёл в себя. Долго тянулось разбирательство, а потом прошла молва, что, якобы, посчитали его тронутым и комиссовали втихую. Погоны

всем жалко, и старляям, и адмиралам.

* * *

По русскому обычаю, обжѣгшись на молоке, ретиво дуют на воду. Правда, усердствуют недолго – хочется всё-таки жить беззаботно. После того экстраординарного события прошла неделя, другая. Вызывает Садовского командир корабля Ильясов и приказывает оборудовать сигнализацию гермодвери арсенала так, чтобы при её открытии загорался бы сигнальный фонарь в каморке дежурного по кораблю на верхней палубе, и звенело в коридоре офицерского отсека. Словом, требуется примочка от корабельных психов. Якобы, на этот счёт имелось распоряжение по бригаде ОВРа. Ничего себе задачка! Ведь это тебе не собственный гараж, как захочу, так и наворочу – боевой корабль, дюбелей в стену не наколотишь.

В то время Садовский, будучи старшим матросом, находился уже на штате старшины корабельных электриков. Не имея флотской подготовки и мало в чём уступая гашековскому кадету в стремлении постичь военные премудрости, он запоем читал всё, что добывал в библиотеке бригады – книги по теории кораблей, их живучести, по энергетике судов. Естественно, знания, полученные в процессе такого сумбурного самообразования, он рьяно примерял на свой корабль. Теория живучести корабля ясно гласит, что

внутренний объём корпуса корабля должен быть разделён на отсеки водонепроницаемыми переборками. Корабельный устав категорически запрещает выполнение любых отверстий в переборках между отсеками. Никакой кустарщины без санкции конструктора корабля! А здесь арсенал и офицерский отсек разделены межотсечной переборкой, значит, придётся нарушить её герметичность.

Бесспорные доводы эти Садовский самым серьёзным образом изложил командиру, последним аргументом добавив то, что на кораблях запрещаются всякие самодельные, нештатные проводки. Однако, Ильясов, скривившись, как от зуба, удаление которого опоздало на месяц, не внял этому и приказание оставил в силе. Считая себя правым, Садовский намерился стоять на своём.

Несколько дней спустя командир не поленился появиться на послеобеденном разводе экипажа на корабельные работы и строго спросить о делах с устройством злополучной сигнализацией. Садовский продолжал гнуть свою линию, настаивая на том, что на устройство должен быть выдан утверждённый чертёж. Командир побагровел и, с трудом сдерживаясь, чтобы не разразиться цветистой флотской бранью, на что был дока ещё тот, дал ему два дня на выполнение работы.

– Если не исполнишь, «понесёшь пирожки» Ивану Степанычу (комендант военно-морской базы), заодно и пого-

стишь у него. Надолго, к сожалению, отпустить не смогу, но пять суток, как с куста. Обещаю! У тебя, кажется, уже есть пять суток к отпуску? Отлично! Станешь первым на Балтике полным кавалером пяти суток, – с иезуитским торжеством мрачно сострил Ильясов. То, что он ограничился замысловатым юмором и не прошёлся в своей обычной манере, придавало делу серьёзный оборот и грозило немалыми неприятностями. Садовский отдавал себе отчёт, что противостояние с командиром достигло апогея и терпение его на исходе, но маленькая корпускула упрямства уже завладела им полностью, не оставляя никаких шансов на мирное разрешение конфликта.

* * *

В том то и был казус. Пару месяцев назад тот же Ильясов неожиданно для экипажа зачитал приказ о поощрении матроса Садовского пятью сутками к отпуску. Это вызвало всеобщее недовольство личного состава. За что «карасю» дополнительный отпуск? На корабле он без году неделя и до отпуска ему как медному котелку воду кипятить. Блажь это! «Карась», он на то и «карась», что бы своё место знать.

На самом деле было за что. И все это негласно признавали. Но ведь мог же командир обойтись бы устной благодарностью или там внеочередное увольнение на берег посулить. Не дорос электрик до отпускных пяти суток. Ильясов и сам полагал, что рановато, но в назидание старшинам не поску-

пился на столь щедрую награду. Фактически это был его демарш и заключительный аккорд партитуры утирания носа забуревающим старым спецам. Подвёл жирную черту, как говорится.

«Подвиг», за который молодой электрик неожиданно получил пять суток к отпуску, был и впрямь из ряда экзотичных, если не сказать курьёзных, и заслуживает того, чтобы на нём остановиться особо.

Зима года пражской весны. Заурядный рабочий день на корабле. Впрочем, быть может, и не совсем. Корабль уж который день торчит на швартовах у стенки Крепостного канала, и это в разгар боевой подготовки. Обычно, не успевали запоздно вернуться в базу и забыться богатырским сном, как колокола громкого боя поднимали матерно негодующую команду, и следовал очередной выход в море. Словно, накосячив в предыдущий раз, бросались, сломя голову, исправлять огрехи, пока ещё не рассвело. Одно лишь благо, что главные не успевали остывать и запускались с полуоборота без муторного прогрева. Однако, в тот раз корабль не покидал причала по причине выхода из строя корабельной ГАС – гидроакустической станции. А без неё противолодочник, что прогулочная яхта нефтяного олигарха, но, увы, без бл@дей, «Вдовы Клико», чёрной икры и белых трюфелей.

Корабельные гидроакустики несколько дней в поте лица

выискивали неполадки. Безуспешно. Заявили спецов из базы и который день ожидали их прибытия. Похоже, у гидроакустиков военно-морской базы работы было невпроворот, и появиться в дивизионе МПК они не торопились. Командир корабля Ильясов психовал. Дивизион в море, и только МПК-85 у стенки напротив штаба дивизиона – «синагоги», как лиловый прыщ на носу, мозолил глаза начальству. Все тяготы дивизионной службы взвалились на плечи офицеров корабля. Ко всему, бригадный, да и базовый штабной планктон, за неимением других объектов покошмарить, потянулся на корабль. «Покажи то, представь это. А носят ли матросы подштанники? А пользуются ли вилками, когда переходят ко второму?». Им «птиц» рисовать в своих кондуитах, а здесь обливайся холодным потом после каждого звонка вахтенного у трапа: «Кого там опять нелёгкая несёт?» Словом, зелёная тоска и нервогрёпка.

Закончилось ежедневное проворачивание оружия и технических средств. Команда выстроилась на шкафуте для развода на корабельные работы. Поёживаясь на пробирающим до костей февральском норд-весте, ожидали командира, который, несмотря на дежурство в штабе дивизиона, почему-то пожелал на разводе присутствовать лично. Ждать себя он не заставил и перепоясанный ремнями, с повязкой «рцы» на рукаве шинели с решительным видом появился на шкафуте. Следом важно выступал хитрющий дивизи-

зионный кобель по кличке Боцман, пребывающий в панибратских отношениях с дивизионным начальством, а может статься, судя по его состроенной свирепой морде, считающий себя одним из них.

Командиры корабельных боевых частей по очереди объявляли распорядок работ. Когда очередь дошла до гидроакустиков, Ильясов, дотоле, приняв рапорт помощника, не произнёсший ни слова, вдруг расколол вдребезги рутину развода. В крепких флотских оборотах, на которые был непревзойдённым маэстро, он изверг разом на их понурые головы раздражение и недовольство, накопившиеся за дни стоянки на приколе. Но это была только прелюдия. Фуга командира была сногшибательной, как для виновников торжества, так и для остальных присутствующих на шкафуте. Он преподнёс уже разделанным под орех гидрослухачам блюдо острое и неудобоваримое. Неизвестно, состряпал он его заранее или это было озарение, вспыхнувшее в пылу отчитки. Ильясов, вдруг приостановил поток брани, повернулся к противоположной шеренге, кою формировали члены электромеханической боевой части, в простонародье – «маслопупы». В тот момент они, не имеющие никакого отношения к гидроакустике, в благом расположении духа (не нас пользуют) играли двойственную роль: массовка действия и безучастные зрители командирского импровиза в одном флаконе. Иного им и не было дано, ибо гидроакустика для них и всё, что связа-

но с ней – невесть что и сбоку бантик. *Suum cuique.*

Однако, лукавый Ильясов дерзнул, видимо, посягнуть на флотские устои и в неизбывном порыве, выдернул из строя первого попавшегося ему под руку военмора. Им то и оказался матрос Садовский, корабельный электрик. И стоял в первом ряду, как подобает «карасю», и ростом был повыше остальных. Словом, не пригнулся, значит, никто не виноват. Далее громом среди ясного неба прогремели слова командира: «В распоряжение старшины первой статьи Волкова для ремонта гидроакустической станции», которые ввергли шкафут в шоковое состояние. На глазах у всех, как «высотка», подорванная на снос искусными взрывниками, рушилось величественное здание корабельного железного порядка. Решение командира корабля было столь невероятным, что экипаж проглотил языки в паузе всеобщего изумления. Уж не заболел ли командир, переутомившись на дивизионной службе, или, случаем, какую бактерию зловредную поймал организмом своим? Что на него нашло?

Приказание командира озадачило Садовского. Не прикалывается ли командир, дабы как-то разрядить обстановку после чувствительной выволочки, публично устроенной гидроакустиком? Садовский, хотя и служил на корабле лишь третий месяц, но уже кое что уяснил для себя. А уж то, что электрики не ремонтируют акустические станции, он был

уверен на все сто. Впрочем, как и при поломках в машинном отделении, или там галыюн заартачится отправлять естественные потребности команды, никому в голову не придёт шаловливая мыслишка позвать на выручку гидроакустика или того же радиометриста.

Недоумённое безмолвие, царившее на палубе после абсурдного приказа командира, затянулось. Ильясов, разумеется, понимал, какую сумятицу устроил в мозгах присутствующих на шкафуте. И не иначе, как хулиганил, затягивая без того перезревшую паузу, и, возможно, в душе потешаясь над всеми. Первым не выдержал Боцман. Он, рискуя своим «командирским» имиджем, смачно брякнулся на крепкий зад, задней лапой нервно почесал за ухом и, окончательно утратив самообладание, с визгом куснул собственный бок. Зря старался, никакого эффекта!

Молчали даже гидроакустики, попранные самолюбие и профессиональная честь которых взывали к справедливому протесту. Впрочем, старшина Волков уж было раскрыл рот, но вовремя спохватился, ибо скумекал: «Вякни словечко против – и ты на крючке. Тогда хоть в лепёшку расшибись, но эту грёбаную гидру к вечерней поверке запусти». Такова логика вещей. Вероятно, в этом то и состояли козни Ильясова – с чувством сыграть на амбициях старшины акустиков, вынудить его рвануть тельняшку у себя на груди. По-

хоже, уловка не выгорела, но при любом раскладе, командир мог бы покинуть шкафут посвистывая. Остальные присутствующие на разводе находились в предвкушении развязки лихо закрученной командиром интриги.

Числить себя среди них Садовский никак не мог. Ясно, что его против воли втянули в игру, суть которой он пока не раскусил. Ведь командир, нарочито растягивая паузу, дабы акустики до глубины прочувствовали свою никчёмность, вполне мог бы ещё спустить дело на тормозах словами: «Что? Не катит вам подмога электриков или, пуще того, трюмных машинистов, попросту, корабельных сантехников? Тогда, вам и флаг в руки, сами устраните поломку». Всё, инцидент исчерпан без синяков и обид. Тем не менее, пауза грозила накрыться командой: «Разойдись! Приступите к корабельным работам!» Похоже, дело принимало серьёзный оборот. Теперь, когда гидроакустики, проглотили пощёчину, не отвергнув позорную помощь, наступила очередь Садовского вступить в действие. И ему понятно, что если сейчас промолчит, значит, берётся за дело, в котором ни бельмеса не смыслит. Теперь главное – не промучать.

Само по себе заведомое фиаско не страшило – не получилось дотоле у гидроакустиков, с электрика тем более взятки гладки. Однако, команда корабля – жёсткий мужской коллектив. Всегда найдутся остряки, которые начнут под-

начивать и зубоскалить, мол, ну-ка расскажи, как ты ГАС нашу выправлял. Сыщутся охотники и позлорадствовать, а то и кликухой меткой наградят, типа, «гидроподкустик ты наш». И поделом – не суй свой нос в чужой огород. Поэтому Садовский, не мешкая, ринулся спасти свою матросскую честь – как на духу выложил командиру, а заодно и команде, что пресловутая свинья в апельсинах смыслит поболее, чем он в гидроакустике и ставить на ГАС его без толку. В коварном замысле Ильясова, похоже, отсутствовал такой пустяк, что подаст вдруг голос разменная пешка его изящного шахматного этюда. Посему публичная исповедь Садовского о своей гидроакустической несостоятельности без колебаний и, видимо, без малейших угрызений совести была проигнорирована командиром. «Ну вот, и груздём не назвался, а одно – в кузовок полезай», – с горечью подытожил Садовский. Так молодой электрик неожиданно-негаданно очутился в аппаратной корабельной гидроакустической станции «Геркулес» в роли... подкидного дурачка.

* * *

Знатоки флота наверняка ещё не забыли, что малые противолодочные корабли 204 проекта оснащались гидроакустической станцией кругового обзора с выдвижным обтекателем «Геркулес-2м», детищем конструктора Умикова З. Н. Правда, к тому времени прошёл уже с десяток лет после её разработки, и станция основательно устарела мо-

рально. Тем не менее, это нисколько не умаляло её неподъёмность для любого, даже самого отвязанного чайника.

За недолгий срок службы на корабле матрос Садовский быстро научился выполнять немудрёные наказания, кои расписаны на все случаи корабельной жизни в книжке «Боевой номер», карманных скрижалях российского военмора. Сносно разбирался в хитросплетениях корабельной электросети. Иногда, для осмотра электрощита наведывался в аппаратный отсек акустической станции. Благовейно дивился там множеству замысловатых штуквин, о назначении которых не имел ни малейшего понятия. Да и как оно могло бы появиться, это понятие? Куцый параграф о распространении ультразвука в воде из учебника физики, проглоченный впопыхах несколько лет назад при подготовке к экзамену, ну никак не мог служить основанием, чтобы отважиться на ремонт боевой гидроакустической станции, пусть даже не самой современной.

Оскорблённый до глубины души старшина гидроакустиков Волков посчитал не царским делом ковыряться в схеме станции рука об руку с засланным казачком. Заниматься этой «хренюю» он вменил старшему матросу Чиркову, чувашскому парню, едва перевалившему на второй год службы. Оказалось, что невозмутимый и рассудительный Чирков, хоть на лавры корифея гидроакустики не посягал, но по-

нения о «Геркулесе» имел весьма твёрдые и в меру глубокие. Именно этот комплекс он детально штудировал в учебном отряде. Более того, чувашский комсомолец, несмотря на то, что срок службы за его плечами более, чем в два раза превышал послужной стаж электрика, профессиональными и иерархическими амбициями не страдал и был расположен сотрудничать на равных.

Начали с изучения станции. Вернее, изучал электрик, а Чирков с готовностью давал очень понятные даже для профана пояснения. Садовский задавал вопросы и пытался интуитивно нащупать алгоритм поиска неисправности: «А это что такое? Для чего предназначено? Как работает?» Всё, что имелось в комплекте ЗиП станции, пробовали заменять. Если эффект был нулевым, и станция не оживала, двигались дальше по принципиальной схеме. Так используя симбиоз различных методов, не забывая и универсальный «метод втыка», они, как сегодняшние компьютерные игроки, с азартом увлекшись процессом, порой забывали о цели. Угроза опростоволоситься их не тяготила. Уж не такие крупные они спецы, чтобы боятся неудачи.

Но сказано же: «Ищите да обрящете...». На следующий день, после очередной манипуляции станцию всё-таки проныло. Из её стеклометаллического нутра, невообразимо уютного артериями разноцветных проводов, вдруг раздалось

негромкое, виноватое посвистывание. Старший матрос Чирков, не веря своим ушам, замер на мгновение, прислушиваясь к голосу работающей станции. Затем, боясь вспугнуть удачу, почти крадучись, пробрался к пульту управления. Чудеса на свете всё же бывают! Сигнальные глазки на панели утвердительно подмигивали. «Геркулес», как и подобает богатырю, проспавшемуся после недельного запоя, вдруг очнулся и, как ни в чём не бывало, зафурычил безотказно на всех режимах.

Новость мгновенно облетела корабль. С бегающими глазками на вытянутом лице появился старшина Волков. Не взглянув на Садовского, он подскочил к пульту и принялся исступлённо щёлкать переключателями. Но, убедившись, что станция действительно функционирует вовсю, вдруг обмяк, обречённо шмякнулся в кресло оператора и невидящим взглядом уставился в панель управления. Положение хуже губернаторского! Мало того, что смалодушничал на разводе, так и посчитал западлю искать неисправность с электриком.

И сегодня, столько лет спустя, не перестаёшь удивляться, как могла в голову командира МПК-85 прийти шальная мысль – направить на ремонт ГАС молодого электрика. Какая такая иррациональная сила подбросила идейку? Интуиция? Или, может, это картёжный опыт, по законам которого новичку всегда везёт поперву. Кто служил на кораблях, тот

поймёт, насколько нелогичным было такое решение. С того дня, Садовскому ни разу в жизни более не приходилось иметь дело с акустической техникой.

Несмотря на то, что вклад матроса Садовского в ремонт станции был сугубо методический, чувство триумфа он испытал сполна. К тому же, награда оказалась по-царски щедрой – пять суток к отпуску.

* * *

Произошло это как вчера, а сегодня тот же Ильясов уже не в шутку грозитя арестом. Быть может, пожалел он, что переборщил сгоряча с воздаянием заслуг молодого электрика и теперь «жаба» не даёт ему покоя, требует сатисфакции?

«Ну что же, пять суток к отпуску есть – пять суток ареста не за горами. Стало быть, титула „полного кавалера пяти суток“ не миновать» – с чувством человека, уверенного в своей правоте, сжёг последние мосты электрик.

Прошло ещё несколько дней. Садовский, укушенный мухой собственного упрямства, так и не приступил к работе. Весь корабль в курсе бескомпромиссного противостояния. Как быть командиру с этим упёртым ослом? Нашла коса на камень. Но камень то это он, капитан третьего ранга Ильясов! И не просто так, песчаник какой-нибудь – гранитный валун! Жалкая коса Садовского, считай, обречена. На ближайшем построении команды старшему матросу Садовскому была озвучена обетованная каталажка – командирские

пять суток ареста. Ильясов умыл руки.

Арест, максимальное наказание для матроса, не считая штрафбата, на корабле палка о двух концах. В былые времена в Балтийске арестованного «де юре» перевести в «де факто» было ох как непросто. Все камеры на гауптвахте, как столики в крутом ресторане, заняты на месяц вперёд. Постоянный аншлаг: «Свободных мест нет». Видимо, всеобщего поветрия на «очереди за всем» не избежала и балтийская «губа». Желаеть своего штрафника посадить под арест – подай заявку в комендатуру и терпеливо жди вызова.

Со временем накал страстей угасал. Порой выходило, что и арест то объявили сгоряча. Всё порастало больём, но вдруг на корабль приходит депеша, дескать, радуйтесь «о счастливики!» – освободилось место на гарнизонной гауптвахте. И начинается... Отрывай человека от корабельных дел, стряпай на него бумаги, снаряжай конвой и сопровождающего начальника в придачу. А кому в охотку станет идти к грозному коменданту Балтийска с риском загоститься у него? Чем не боевая операция? Получается, за что боролись, на то и напоролись.

Сам же приговорённый к застенку, в глазах экипажа обретал статус невинной жертвы начальственного произвола, этакое страстотерпца, которому уготованы ежовые объятия

крутого коменданта. Авторитет его возростал. Наказывать его уже не могли, пока не будет исполнено предыдущее наказание, не ставили на службу, в караул, хотя на работы, конечно, назначали. Словом, в ожидании заточения, наказанный попадал в привилегированное положение, что, естественно, было не по вкусу его командирам. Да и после гауптвахты возвращались уже не те, ведь отсидеть на «губе» пять суток это вам не фунт изюма за обе щеки, да и не каждому дано, а, значит, почёт и уважение. Матросы – срочники – это те же пацаны с психологией и шкалой ценностей, свойственной этому возрасту.

* * *

После объявления ареста Садовский включился в «режим ожидания». Правда, исполнял он свои служебные обязанности как обычно. Зато вопрос с нештатной проводкой сигнализации отпал сам собой, поэтому на душе у него было легко. Моральная победа была за ним, гауптвахты он не страшился, а венец арестованного не имел шипов и поначалу был даже приятен, хотя он им не бравировал.

Прошла ещё неделя, началась другая. Странно, но никто не пытался отконвоировать Садовского на гауптвахту и даже не старался поставить его на очередь в комендатуре. Командир корабля и механик словно забыли о происшедшем, будто никакого ареста никто никому перед строем не объяв-

лял. Ещё через несколько дней и сам Садовский уже перестал думать о предстоящей «губе». Да и выходило так, что отпускать его с корабля было не с руки. Всё-таки главный корабельный электрик! А в море только спецы в цене, там политграмотой не отмажешься.

Однако, Ильясова такой паллиатив, когда электрик на «губе» – он без вожденной сигнализации, устроить не мог. Дров наломали, результат нулевой. А после гауптвахты к электрику и на хромой козе не подберёшься.

В начале следующей недели, на исходе «адмиральского часа», в кубрике электромехаников появляется рассыльный и сообщает, что Садовского срочно вызывает командир. Получив разрешение, Садовский вошёл в крошечную, накуренную донельзя каюту командира. В хрустальной, видимо, подарочной пепельнице дымилась сигарета. Ещё пяток с чувством задавленных окурков неопровержимо свидетельствовали о имевшем здесь место непростом мыслительном процессе. Поймав взгляд Садовского на пепельнице, и поняв, что её содержимое предательски выдало его состояние, Ильясов почти незаметно сконфузился и безжалостно вмял в хрусталь ещё вполне жизнеспособную сигарету. Распахнул настежь полуоткрытый иллюминатор. В каюту пахнуло воздухом, изрядно напоенным тяжким амбре Крепостного канала. Когда командир повернулся от иллюминатора, на лице его уже не оставалось и следа былого замешательства. Он ис-

пытывающе посмотрел на Садовского и, как бы решившись на что-то, прервал молчание неожиданным вопросом:

– Сколько времени служишь на корабле?

Какой безобидный вопрос! Командир интересуется, сколько же служит его матрос на корабле. Проще вопроса, да и ответа на него не бывает, но у Садовского ёкнуло в груди нехорошим предчувствием: «Не смирился командир с ничьей. Выждал момент, когда страсти поутихли, и, пока „приговор не приведён в исполнение“, имеет полное право объявить второе действие марлезонского балета».

«И к бабке не ходи, сейчас последует сеанс зомбирования. Не мытьём, так катаньем. Не получилось с арестом, не сломался – будут гнуть медленно» – затосковал Садовский.

Не успел он вымолвить слово в ответ, как вопрос превратился в риторический. Да и знал командир прекрасно, с какого времени электрик на корабле. Последующий за этим спич Ильясова уже не нуждался ни в каком участии Садовского. Говорил хозяин каюты спокойно, изредка, увлѣкшись, нарушал невидимую стену субординации, разделявшую их в крохотном пространстве командирской каюты. Но, тотчас спохватившись, возвращал свою речь в сухое русло отношений нижнего чина и начальника.

– А я на этом «охотнике» пять лет. Видишь, капитан третьего ранга, – кивнул головой на свой китель, висевший на плечиках.

– Пришёл на него старлеем, только на воду спустили

в Керчи. Я его тогда до последнего болта изучил и таких, как ты, научил. Они уже все демобилизовались. Пришли другие, и они уже на гражданке, я по-прежнему остаюсь командиром этого корабля. Это мой корабль, и я за него несу ответственность и по должности, и по старшинству. Мне известно больше твоего, что вредно, а что полезно этому кораблю. Ты говоришь, что переборка должна быть водонепроницаемой? Да, должна, но если сейчас испытать любую из них, то потечёт на технологических проходках. Тебе известно, что на корабле имеется хитрая система кондиционирования, даже приборы регулирования влажности воздуха в кубриках и на боевых постах установлены. Ничего не работает, и не работало, потому что на заводе не довели до ума. А ведь в паспорте корабля указано, что длительное пребывание экипажа на корабле допускается только при исправно работающей системе кондиционирования. Но мы, полста пять душ, здесь, в невероятной тесноте, не день, не месяц – годы! На лодках? Да, также тесно, но экипаж то живёт в казарме. Поэтому, небольшое отверстие в переборке под палубным бимсом на живучести корабля не скажется. Хуже не будет! Отвечаю! Нештатная проводка, говоришь? Есть приказ командира дивизиона, согласованный дивизионным механиком. Я обязан его выполнить и поставить под контроль доступ в арсенальный отсек.

Садовский слушал откровения командира, не перебивая.

В общем, он был согласен с доводами командира, понимал и раньше эту житейскую философию здравого смысла. Но один нюанс буравил его сознание и оставался камнем преткновения для того, чтобы принять полностью аргументы Ильясова. Если уж так необходима эта сигнализация то было бы очень кстати нарисовать схему, узаконить её и напечатать для исполнения на все корабли. Была бы хоть какая-никакая техническая документация.

Этим, веским, по мнению электрика, резонном он и намеревался, как козырной шестёркой, побить простой туз командира, ибо ожидал, что после разъяснительного раута последует повторения приказа с последним предупреждением. Но Садовский плохо знал своего командира, поэтому не смог предугадать финал этой назидательной проповеди. Ильясов же, как маститый игрок, безошибочно просчитывал ходы за себя и за электрика, не позволяя ему ни одним словом возразить или даже оправдаться. А когда Садовский, нагруженный по ватерлинию его доводами, попытался всё-таки изобразить что-то в ответ, командир сразил его обезоруживающим эндшпилем:

– Поэтому, я тебе больше не приказываю, хотя, понимаешь, имею такое право. Я обращаюсь к тебе с просьбой командира сделать это. Первый раз я обращаюсь с просьбой к матросу срочной службы и, надеюсь, ты поймёшь.

Заключительный пассаж Ильясова застал Садовского врасплох. Что тут ответить? Стоять на своём? Тупая, ослиная тактика. Поддаться на уговоры? Ради чего тогда весь сыр-бор затевал. Любой ответ был бы неуместным. Знать, понимал это и командир. Потому, не дал электрику ни малейшего шанса изречь глупость, или, как минимум, банальность.

– Об аресте забудем, а этот разговор только между нами, тобой и твоим командиром. Можешь идти.

Беседа, вернее монолог окончен. Садовскому оставалось лишь произнести формальное «есть» и покинуть командирскую каюту. Он спустился в пост управления машинным отделением и устроился в удобное кресло командира боевой части. Аудиенция у командира оставила двойное послевкусие. Казалось бы, компромисс налицо, но копни глубже – одна из сторон кладёт своего короля на шахматную доску. Внизу за прозрачной стеной кабины управления вокруг проёма демонтированных паёл копошились мотористы. Переносная лампа, опущенная в трюм, снизу грязно-жёлтым светом подсвечивала лица, искажая их до неузнаваемости.

Итак, теперь уже просьба. Просьба не приказ. По сути, не все просьбы обязательны для исполнения. Но здесь нечто особое, что будет поважнее приказа! Неспроста Ильясов пачку выкурил, прежде чем решиться на откровенный

и доверительный разговор с электриком. Фактически, поставил на кон игры свой командирский авторитет, запросил у матроса, что называется, вотум доверия. Проигнорировать просьбу означало бы оскорбить командира. А имеет ли на это право электрик и заслуживает ли того командир? Матершинник, правда, ещё тот, но это русский флот, понимать надо. ХитрО задумано, не правда ли? Садовский вздохнул: «Ну да ладно, значит, его взяла». Открыл амбарную книгу, служащую для черновых заметок, и начал набрасывать схему контрафактной примочки к проекту 204.

Через пару дней оглушительный трезвон в коридоре офицерского отсека заставил распахнуть двери офицерские каюты, в которых в момент нарисовались головы их ошарашенных хозяев. Это было тестовое включение сигнализации арсенала. Пусть бдят командиры!

Тем не менее, арест «де юре» Садовскому никто не отменил. Поэтому бремя, пусть не тяжкое, «полного кавалера пяти суток» он носил, пока не пришла пора идти в отпуск, и пять наградных суток были погашены. А вот пять суток гауптвахты остались по сей день. Хоть возвращайся, Садовский, в Балтийск и отдавай флоту должок, который, как известно, платежом красен!

Случай в море

Всё катило как по маслу, без задоринки. Подлодку засекли, и поисково-ударная группа (ПУГ) – три малых противолодочных корабля (МПК) – ошестинились фронтом, ладно перестроившись из кильватера. Одна из последних и самых важных курсовых задач боевой подготовки года – поиск и уничтожение подводной лодки в составе группы кораблей. В центре – корабль Ильясова. Сегодня он в роли вожака стаи МПКашек, норовящих устроить облаву на подводную лодку. Роль командира ПУГ, пусть учебной, возложена на него по праву. Самый старший по возрасту, самый опытный «ловец» субмарин.

В своё время был командиром на «большом морском охотнике» в Севастополе и командировал не за страх, а за совесть. А когда в штаб флота обратились документалисты из Москвы, снимающие фильм о флоте, то им без вариантов предложили запечатлеть в истории флота российского «большой охотник» Ильясова. С улыбкой он вспоминает, как устраивал образцово-показательную погоню за подлодкой. Киношники во главе с режиссёром Яшей Бабушкиным, так он по-стиляжески запросто представился командиру «охотника», мало того, что своим треножным киносьёмочным скарбом чинили гору препятствий на корабле, так

ещё требовали дубли. Но не смешно ли? Какие могут быть дубли, если корабль реально чешет на полном за подлодкой! Это им что, павильон на Мосфильме?

Фильм «Корабли поднимают флаги» крутили в кинотеатрах Севастополя, да и всей страны. То ли фильм подействовал, то ли пора приспела, но буквально через пару месяцев Ильясов получил строящийся в Керчи малый противолодочный корабль проекта 204, на командирском мостике коего он и по сей день. Но слухами флот полнится. Грядёт вот-вот повышение в звании, это уж пора по выслуге и по должности, да и новое назначение на большой корабль не за горами.

* * *

Подлодка удирала что есть мочи, то бишь на полной подводной. Даже хитрить не пыталась. Против ПУГа не всякий манёвр в пользу, напетляешь себе на голову. Впрочем, резон прямолинейной тактики субмарины имел место. Успеет уйти за границу полигона – считай, не догнали, таково условие. Можно будет всплыть, помахать кровожадным дядям ручкой, дабы не тужились в напраслину, полюбоваться живописным видом мыса Таран и чапать в родную Либаву. Засветло можно и поспеть.

Но противолодочники тоже не лыком шиты внахлёт, своего не упустят. Им всего лишь выйти на дистанцию стрельбы реактивными глубинными бомбами – и атака, пусть услов-

ная, но зачётная. А чтобы лодка не ускользнула, на 204 проекте имелось отменное средство – полный турбинный ход. На мерной миле под сорок узлов выжимали. Проект-то затчивали под охоту на атомных америкосов. Вдумайтесь – на таких-то скорлупках! Впрочем, если всем балтийским дивизионом навалиться – девять кораблей – можно кого угодно затюкать до посинения.

Команда на запуск турбин. Характерный самолётный свист с кормы. Корабль в считанные минуты набирает скорость и томагавком острого с горбинкой носа легко рассекает волну. Качка уменьшается.

– Штурман, на лаге?

– На лаге 38 узлов.

– Дистанция?

– Дистанция до цели 30 кабельтовых, товарищ командир.

– Докладывать постоянно.

– Механик, турбины?

– Турбина на номинальных оборотах, штатно. Дизеля штатно.

Пока всё хорошо – «шесть шаров», даже турбины запустились подозрительно быстро, с первого замеса. Обычно пару раз у этих «маслопупов» выбивает не в меру привередливый выпрямитель пуска турбин. Корабль идёт превосходно, не рыскает, на лаге почти 38 узлов. Больше не выжать. Состояние днища не позволит.

Но какое-то тревожное чувство внезапно закопошилось

в глубине сознания и заставило Ильясова непроизвольно произнести расхожую фразу, которой он никогда не увещевал ни себя, ни, тем более, других.

– Слишком хорошо. Слишком хорошо тоже нехорошо...

Поймав себя на этих пустых и чуждых ему словах, он чертыхнулся и недобро вспомнил своего боцмана мичмана Куди. Это он частенько приговаривал «Слишком хорошо тоже нехорошо». При этом, будучи старательным и ответственным, как истинный хохол, всё делал отменно, а приговорку использовал для начальства на случай неумеренной обструкции его боцманского усердия. Ильясов понимал это и сносил немудрёную хитрость боцмана.

«Что за наваждение? – упрекнул себя Ильясов, – Старею, что ли? Это надо же, что на язык взбрело! С кем поведёшься, от того и...»

– Дистанция до цели 28 кабельтовых, – прервал думки командира его помощник, старший лейтенант Антипов.

– На лаге 38 узлов, курс прежний, – вторил ему штурман Лоздовский.

Дистанция до цели неумолимо сокращалась. Что могла поделаться «эска» своими 13 подводными узлами против 38 противолодочника, самого быстрого корабля советского ВМФ 60-х годов? Против лома нет приёма.

* * *

Иллюзия благополучия рухнула в момент, как сырое яй-

цо, упавшее со стола на пол. Мгновение назад оно радует ваш взор идеальной формой и обещает глазуню, но вмиг безвозвратно превращается в никчёмный мусор. Корабль, ещё секунду назад идеально шедший на предельной скорости, внезапно дёрнулся и обречённо осел, словно наскочил на мель. Скорость резко упала, появился левый крен, курс круто ушёл влево. Ильясов, выдавшие разные виды, опешил, как после внезапно опрокинутого на голову ушата студёной воды.

«Вот! Накаркал! В аккурат приплыли...», – мелькнуло у него.

Ледышкой по спине проскользнула мысль, от которой стало не по себе – зацеп за трос, связанный с чем-то на дне, с обрывками противолодочных сетей времён недавней войны. Мало ли чего на дне ещё осталось с той поры. Месяц назад подводная лодка С-166 здесь же, на полигоне наткнулась на плавающую мину, чудом не отдали богу души. О захвате троса старого минного заграждения не хотелось и думать. Не хотелось, но именно эта мысль мгновенно катализовала решение.

– Стоп машины! Аварийная тревога! Осмотреться в отсеках и доложить обстановку.

Дальнейшие события на мостике развивались фантастическим образом со скоростью кадра немого синематографа.

фа. Старлей Антипов, забыв о субординации, банально дёрнул за рукав штормовки командира. Ильясов, не терпевший фамильярности, нервно обернулся и натолкнулся взглядом на побелевшие лицо и каменные глаза помощника. Как потерявший дар речи, Антипов, молча, указывал рукой на корму корабля. Ильясов остолбенел от увиденного. Впору себя щипать нещадно за мягкое место.

– Что за наваждение? – уже второй раз за считанные минуты произнёс Ильясов, – я это вижу своими собственными глазами или мне мерещится. Сюрреализм в натуре! Этого не может быть, разве что в кошмарном сне и то с крутого бодуна.

Возникло неодолимое желание с усердием продрать кулаками глаза, дабы смахнуть это нереальное видео. Убедившись, что это не галлюцинация, Ильясов с раздражением помянул механика: «Он, шельма, что там, в ПЭЖе (Пост Энергетики и Живучести) чай гоняет с печенюшкой, а у него на полуюте черти гопака копытят впрыскадь...» и взглянул на хронометр. Всё ясно. Ведь, не прошло ещё и минуты как корабль внезапно скис, что автомобиль на скорости, вдруг попавший в непролазную ухабу. А о том, что сейчас происходит на полуюте, механик, конечно, не ведает. Впрочем, наивно полагать, что там у них под палубой божья благодать. Без сомнения, на палубе полуюта всего лишь макушка айсберга, хоть и впечатляющая.

Полуют корабля, где располагался турбинный отсек, на самом деле являл собой невообразимое, быть может, уникальное зрелище, которое более смахивало на гранд-иллюзию великого Коперфильда, умевшего непостижимым образом совершать с виду невозможные и непосильные человеку трюки. Увидев такое, и впрямь поверишь в сверхъестественное. Из горбовидных воздухозаборников турбокомпрессоров корабля, расположенных в два ряда на полуюте, и которые ну никак не связаны с водой, мощным, угрожающе бесшумным потоком изливалась... она самая. Конечно, забортная, ибо ни одна цистерна корабля, топливная или водяная, не смогла бы обеспечить такие масштабы потока. Толстым маслянистым слом вода покрывала палубу полуюта и удерживаемая сплошным фальшбортом со зловещей ламинарностью сливалась на шкафут. Казалось, что какое-то громадное морское чудовище, захватив в свои щупальца корабль как игрушку, забавляясь, не спеша, вдвухало воду откуда-то снизу. Эффект неправдоподобности картины усиливался отсутствием каких-либо версий происшедшего. Обнадёживало единственно то, что поток этот явно ослабевал с каждой секундой. Но секунды эти казались невыносимо тягучими.

Боевые посты доложили об отсутствии каких бы то ни было нештатных явлений в носовых отсеках корабля. Только пост энергетики и живучести отмалчивался, испытывая тер-

тение встревоженного командира.

«Там их что, „кондратий“ от страха хватил безвременно?» – с досадой подумал Ильясов.

Теперь то ясно, что эпицентр загадочной чрезвычайной ситуации находится где-то там, в кормовой части корабля, вотчине мотористов, турбинистов и трюмных машинистов.

* * *

Командир электромеханической боевой части, старший лейтенант Николаев, механик корабля, аккуратист и педант, железный военно-морской кадр, выкованный в послевоенном нахимовском училище, с докладом на ГКП задерживался, пытаюсь понять, в какую передрыгу попал корабль. По сути, докладывать пока было нечего. Щит живучести корабля издевательски подмигивал множеством зелёных глазков, ни одного красного. Мол, не парьтесь мужики, всё в ажуре... В носовом и кормовом машинных отделениях – ничего существенного. Но сообщение из турбинного отсека насто-рожило. Заглох левый турбокомпрессор, обесточилась схема управления турбинами. Но это были лишь цветики, первой же ягодкой внезапно и так некстати пропала связь с турбинистами.

* * *

Если в ПЭЖе царила лёгкая растерянность, скверная при-мета для живучести корабля, то в турбинном отсеке уже

прорастало нечто сродни паники. Особенно, когда турбинисты поняли, что их отсек стремительно заполняется водой. За слабенькими переборками поста управления турбинами время от времени раздавались выстрелы мощных коротких замыканий, начала дымить проводка. Пропало освещение, и тесное помещение пульта управления турбинами наполнилось изумрудным свечением фосфоресцирующих циферблатов массы измерительных приборов. Лица турбинистов приобрели потусторонний окрас, что никому отваги не прибавило. Стало жутковато. Правда, помигав для порядка, тусклым подпольным светом всё-таки включилась аварийка. Струйки воды, протекавшей сквозь неплотности в переборке, поднимались всё выше, указывая тем самым уровень затопления отсека. Что делать? В турбинном отсеке даже не предусмотрены эжекторы для откачки воды.

Старшина турбинистов Зимин бросился к палубному люку и попытался его приоткрыть, но лавина воды, хлынувшая через люк, заставила тотчас его задрать.

«Вода на полуите!?! Чертовщина какая-то!» – не веря себе, прошептал ошарашенный старшина и метнулся к микрофону корабельной связи. ПЭЖ не отвечал. С ужасом он увидел, что сигнальные глазки на пульте связи мертвы. Нет связи с кораблём!

«Похоже, дело дрянь», – запаниковал Зимин. Два турбиниста-первогодка нахохлились и безмолвно тарасились на старшину в надежде заручиться в его лице гарантией

благополучного исхода происходящего. Переборов приступ тошнотворного липкого чувства страха и желание крикнуть с надрывом во всё горло: «А я что могу, сам ничего не понимаю!» Зимин приказал испуганным турбинистам надеть надувные спасательные жилеты.

Положение казалось безвыходным. Неизвестно, какой бы оборот приняли дальнейшие события в турбинном отсеке, если бы не люк в нижний отсек машинного отделения. В самый критический момент он как-то по-домашнему обыденно, словно ничегошеньки не произошло, лягнул на разные лады железом и приоткрылся.

– Живые? А чего молчите, партизаны? Вас «бычок» вызывает, надрывается, уже и нам «пилюлЕй» не за что навешали, – невозмутимо произнесла из люка молдавская башка моториста Чеботаря. У Зимина отлегло, с перепуга он забыл, что под ними ещё находятся люди и они, судя по виду «мотыля», не испытывают особой тревоги. Правда, Чеботарь, демонстративно потянул носом и, увидев турбинистов в спасательных жилетах, подтекающие переборки, тусклое аварийное освещение, изменился в лице, откинул крышку люка на стопор и исчез. Зимин следом нырнул в проём.

* * *

Сумбурный доклад старшины турбинистов Николаев выслушал, не перебивая, хотя вопросы рождались роем вслед

каждой фразе Зимина. Те минуты, в течение которых пост турбинистов молчал, дались механику нелегко. Теперь он впитывал каждое слово турбиниста, пытаясь отделить зёрна от плевел. И перед ним вставала странная и удручающая картина происшедшего. То, как море хозяйничало на палубе полуюта, лицезреть воочию механику, разумеется, не довелось, но теперь-то он знал, что затоплен турбинный отсек, и это грозило куда более тяжкими последствиями, чем феерическое шоу воды на палубе полуюта.

И здесь имел место парадокс, который окончательно сбил с толку и запутал механика. Вода, каким-то чудесным образом, вопреки законам гидростатики, затопила отсек, расположенный выше ватерлинии, а помещения подводной части корабля, расположенные ниже, были сухими. Какая-то могучая сила в считанные секунды, словно играючи, подняла немалые тонны воды и затопила помещение, находящееся практически на верхней палубе. В какой-то момент механик пришёл в отчаяние, но не оттого, что затоплен турбинный отсек, что горят силовые кабели. Он, вдруг, осознал, что не может взять в толк сути происшедшего и не видит ни малейшего намёка на причину. А если не знаешь причину, то как её устранишь?

* * *

Наконец-то, ожил ПЭЖ. Доклад явно обескураженного механика был сбивчив и мало чего прояснил. Аварийный

останов турбокомпрессора левого борта, затопление турбинного отсека – констатация фактов. Вероятная причина – помпаж (неустойчивая работа) турбокомпрессора левого борта.

– Помпаж!?! Вероятная причина?! – вопросительно вспылал Ильясов и вмиг поставил под сомнение версию механика, – и это на полном турбинном?! На самом устойчивом режиме работы компрессора! Николаев выдержал паузу, переваривая крах своей никудышной версии под натиском простых, но бесспорных аргументов командира. И напрасно! Ему стоило бы тотчас признать правоту командира.

– Послушай-ка механик! – взорвался вконец рассвирепевший Ильясов, – Эту теорию вероятности засунь себе в задницу! Ты чуть корабль не угробил... Мне нужна причина аварии и предложения по её скорейшему устранению! Повторяю: при-чи-на, а не гадания! На ромашке в Балтийске будешь своей ненаглядной гадать перед сном.

Пару секунд механик приходил в себя после обидного выпада командира. Он и сам корил себя за то, что прошло уже столько времени с момента аварии, а он до сих пор и духом не ведает, что случилось и что же делать дальше. Казалось бы, корвет свой он изучил до последней гайки фановой системы. А ведь корабль не простой, 204 проект. Последний писк противолодочной мысли 60-ых! Вооружён до зубов, энергетика эсминцу под стать, и все эти военно-морские

девайсы и гаджеты искусно втиснуты в пятисоттонную упаковку. Конструкторы на Ленинскую премию расстарались. Но сегодня на деле его профессионализм, коим он гордился подспудно, оказался несостоятельным. Досадная бессильность перед происшедшим разъедала душу механика, а здесь ещё едкий пассаж командира. Впрочем, он ещё с нахимовских лет принял за правило не обижаться на словеса. Ведь сказано же, что на обиженных воду возят. А уж на флоте церемониться не принято, от начальства всякого-разного наслушаешься. Порой не сообразишь, где серьёз, где прикол, когда смеяться, когда плакать. А это чем не искусство? Недаром ведь некоторые молодые офицеры, фанаты крепкого флотского словца, записывали перлы устного творчества своих командиров, дабы не пропали сымпровизированные однажды.

– Товарищ командир, – справившись с собой, уже спокойным голосом, нарочито растягивая слова, механик попытался корректно выйти из бесполезной полемики, – причины аварии и неисправности матчасти уточняем. Прошу десять минут для прояснения ситуации.

– Пять минут тебе, механик, на раскачку, и ни секунды больше! Рядиться с тобой не намерен, – раздражённо отрезал Ильясов и беззвучно выругался. Тотчас, скрепя сердце, приказал помощнику сообщить партнёрам о временном выходе из погони, сославшись на технические проблемы с ходовым дизелем. Ещё теплилось в душе, что всё обойдётся,

и он быстро займёт своё место в строю. Но, увы! Секунды летели, минуты убегали, унося с собой частицы надежды. Надо же такому случиться именно на зачётном учении, от которого так много зависело в его судьбе. За какие такие грехи это египетское наказание! Теперь уж ему точно в передовиках не ходить. Резюме начальства в таких случаях категорично: «свинское содержание матчасти». Попробуй-ка, отмойся потом.

Впрочем, командир корабля Ильясов ещё до невразумительного доклада механика осознал, что стряслось нечто странное, и легко отделаться вряд ли удастся. Ильясов четыре года командовал МПК-85 и изучил до тонкостей норы своего подопечного. Знал он все врождённые слабости и особенности, которые у каждого корабля сугубо индивидуальные. На этот раз у него не появилось ни одной более-менее подходящей версии столь экстравагантной выходки своего корвета.

Не прошло и пяти минут, как встревоженный голос командира электромеханической боевой части нарушил тягостную паузу на ходовом мостике. Доклад механика хоть и добавил неприятных деталей, но не прояснил причину аварии. Затоплен турбинный отсек, но после останова турбин и перевода ходовых дизелей на холостой ход вода больше не поступает. Морская вода вызвала короткие замыкания силовых электрических связей между носовым и кормовым ге-

нераторами, что нарушило их синхронную работу. Аварийная партия приступила к откачке воды из турбинного отсека.

Выслушав механика, Ильясов вернулся к мысли о необычности происшедшего и утвердился в том, что устранить в море таинственную неисправность нереально. И не поможет здесь ни натасканная до автоматизма аварийная партия, ни мудрый механик со своим синклитом не менее мудрых старшин. Тем не менее, надо было принимать решение по дальнейшим действиям, ведь потеря хода для корабля в открытом море чревата многими неприятностями. Ильясов не мог смириться с беспомощным состоянием своего корабля. Мысль, что его, Ильясова, будут затаскивать в базу на буксире, была невыносимой. Поэтому, убедившись, что корабль не имеет повреждений корпуса, рискнул опробовать работу ходовой системы правого борта. Механик не возражал, хотя продолжал оставаться в недоумённом состоянии.

Аварийный отсек решили взять под особый надзор, чтобы вмиг прекратить движение в случае появления малейших признаков повторения аварии. К тому времени корабельная аварийная партия и все свободные от вахты матросы с помощью переносных насосов и вёдер заканчивали откачку воды из отсека. После доклада о том, что турбинное отделение осушено, и что люди покинули аварийный отсек, ещё мину-ту Ильясов помедлил, как бы взвешивая ещё раз все «за»

и «против», оценивая степень риска принятого решения.

Имел место один уязвимый момент во всех его действиях. Он был обязан известить о происшествии, по меньшей мере, штаб дивизиона. Поначалу Ильясов этого не сделал, потому что ещё сам толком не разобрался в происшедшем и надеялся на месте устранить неполадки и вернуться в базу со щитом. Теперь, когда стало ясно, что авария не может быть устранена в море своими силами, оставалось только соорудить хорошую мину при плохой игре – прийти в базу на одном дизеле. Что же, брать на себя кое-что и похлеще ему было не впервой, пока бог миловал. Победителей не судят. Впрочем, какой он победитель?

Рука решительно легла на ручку машинного телеграфа правого борта. «Правый малый вперёд». Дизель, работавший на холостом ходу, подвыл и плюхнул в волну сизую шапку дыма. Корабль натужно обрёл ход. На мостике с тревогой ожидали сообщений из аварийного отсека.

Прошло несколько тягостных минут. Корабль шёл не плохо, не хорошо, как и подобает идти на малом ходу под одним дизелем. Ильясов, безмолвно замер у смотрового стекла, повернувшись спиной ко всем присутствующим на ходовом мостике. Казалось, он в ожидании доклада из ПЭЖ, но командир, намеренно отвернувшись от всех, впитывал в себя все шумы, постукивания, вибрации и всякое разное, исходящее от корабля, пытаясь услышать и выявить признаки

постигшей корабль беды. Наконец на мостик доложили, что вода в турбинный отсек не поступает. «Что и требовалось доказать» – в сердцах выдохнул Ильясов и сообщил в штаб бригады, что аварийно возвращается в базу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.